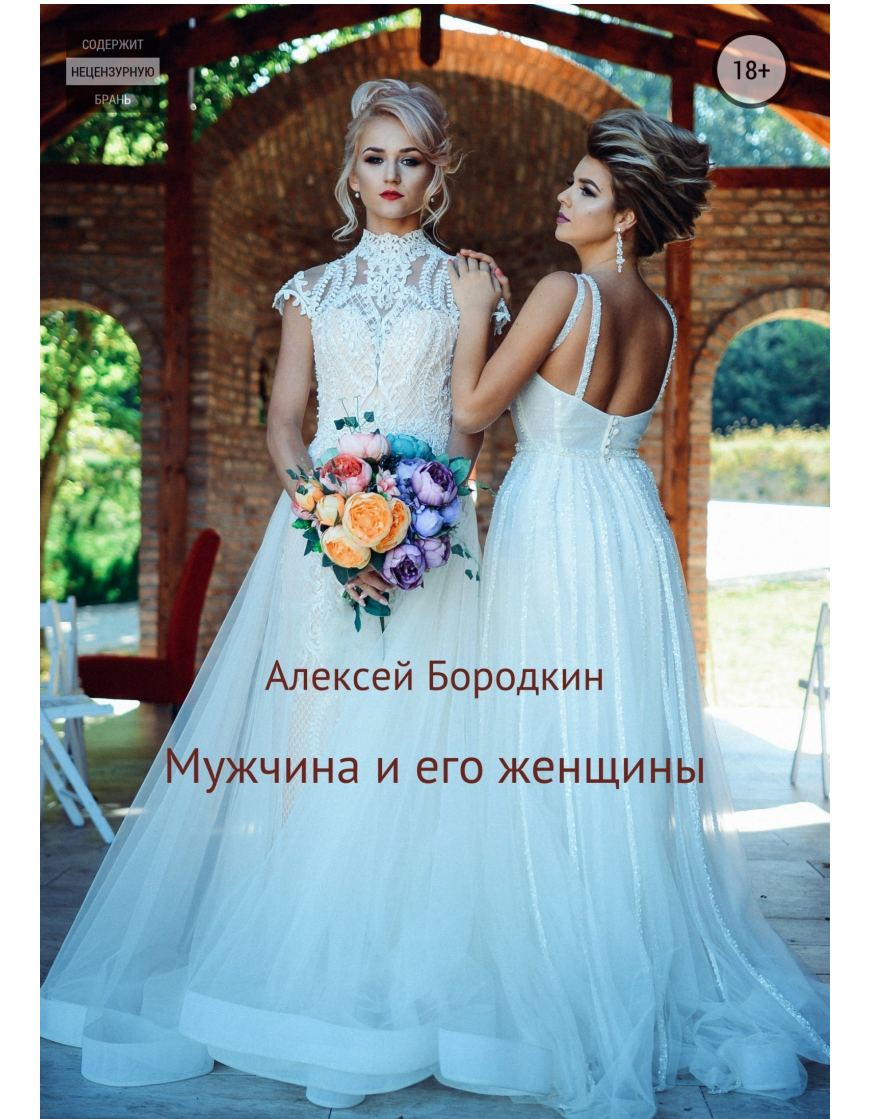

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Бородкин
Мужчина и его женщины

Алексей Петрович Бородкин

Мужчина и его женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34108430

SelfPub; 2018

Аннотация

Александр Раевский знакомится с девушкой. Между ними проскакивает молния – вспыхивает чувство. Вне сомнения, это Любовь, притом во всех смыслах этого слова: плотская и духовная. Однако у девушки – что выясняется случайно – есть жених. И через две недели должна быть свадьба. Съезжаются гости, родители невесты... и свадьба... состоится. Это, вкратце, одна из историй Александра Раевского. Всего их три. Точнее – четыре. Как это всегда бывает в жизни, истории переплетены между собой и перетекают одна в другую. Истории не выдуманы, они, действительно, имели место быть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая. Хотя б чуть-чуть со мной побудь...	5
История вторая. Свадьба друга.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фотография для обложки взята с сайта Пикселз.

<https://www.pexels.com/photo/woman-in-white-lace-wedding-dress-holding-flower-bouquet-beside-woman-in-white-dress-836867/>

История первая. Хотя б чуть-чуть со мной побудь...

Мне очень хочется начать свой рассказ оригинально. С рассуждений о душе или, по старинной русской традиции, о дамах. На худой конец с цитаты или стихотворной строки.

– А хорошо, когда тебя молодая полюбила... – мечтательно говаривал Женя, печатник.

–хлопотно, – возражал Юрок. Этот недалёкий (до примитива) человек обладал поразительной жизненной смёткой. – Подозревается умысел, а это рушит доверие.

– Да и хрен с ним, пускай рушится. Разве я для доверия женился?

– А для чего?

– Я-то? По любви.

Было бы большой ошибкой... (Вот! Замечательное начало!)

Было бы большой ошибкой думать, что в рассказе присутствуют какие-то особенные люди. Наделённые библейской мудростью и прозорливостью. Ничего подобного. Наблюдая за ними, я пришел к выводу, что мудрость и отточенность фраз пришла с многочисленными повторениями. Как волна,

раз за разом, выглаживает камень, так и обеденно-перерывные формулировки приобретают вселенскую округлость после сотен и тысяч однообразных обсуждений.

Место действия – губернский Город, газетное Издательство...

Забыл предупредить: все имена и фамилии в рассказе подлинны. Это рушит литературную традицию (я отдаю себе отчёт), но позволяет персонажам (если таковые прочтут мой опус) вспомнить себя. Мне кажется это важным.

От огромного типографского корпуса отходит длинное двухэтажное здание... Поскольку я начал свой рассказ от женщин, хочется сравнить эту офисную пристройку с утренней умытой девушкой. Ровной и по-своему красивой, но лишенной выразительных красок.

Было что-то около девяти вечера. Солнце опустилось к верхушкам домов. Старушки щебетали и сбивались в стайки у подъездов.

В Издательстве происходила вечеринка.

Глагол "происходила" очень верно отражает суть процесса. Ибо вечеринки случались часто, у них была своя история, свои герои с триумфами и провальными разгромами. Существовали аллюзии и намёки. Например, желание послать Генку за алкоголем вызывало на устах сотрудников улыбку.

Был такой случай. Геннадия – молодого подающего (туманные) надежды сотрудника – послали за водкой. Её тра-

диционно не хватило.

– До магазина минут пять, – прикидывали на пальцах. – Обратно – чуть дольше... пусть десять. Итого – пятнадцать. Прибавим аварийную пятиминутку... получается двадцать. Продержимся, товарищи?..

Товарищи согласно кивали.

Денег собралось на две бутылки и, кажется, на плитку шоколада (до сих пор не пойму с какой целью она потребовалась).

Генка стремительно исчез из здания. Вернулся не менее стремительно... Он сжимал в руках горлышки бутылок, как сжимает палки спринтер-лыжник (я фантазирую). Или, напротив, казался самому себе бойцом-панфиловцем, с двумя гранатами в натруженных руках... Так или иначе, Геннадий оступился – в здание вела лестница в два десятка ступеней, – и расколол оба "снаряда" ещё на подступах... Сохранилась только шоколадка.

В этот раз вечеринка происходила обычным манером. Хозяин Издательства, меценат и замечательный человек Тихон Шаповалов дал какие-то деньги. Эти средства нужны были для затравки, как стартер для автомобильного двигателя. Далее вечеринка двигалась самостоятельно, на собственном "биологическом топливе". Двигалась однообразно, но непредсказуемо, словно "жигули" в глубокой колее, поздней слякотной осенью.

Громко обсуждали текущий, ещё не вышедший в печать, номер. Высокий незнакомец с потным лицом громил журналистов. От "критика" беззлобно отбрёхивались, точно от майской мухи. Неопознанный ловкач нанёс маркером на залысины художника Бузины главное слово из трёх букв. Андрей Бузина увидел (в зеркале) маркировку, огорчился и попытался стереть. Размазал красную краску, усилив графическое сходство с указанным объектом.

От алкоголя становилось весело и интересно. Люди тянулись друг к другу, как металлические опилки к магниту. "О вреде спиртного написаны десятки книг. О пользе – ни единой брошюры..." – считал Сергей Довлатов. Я готов повторить его слова.

Чтобы читателю стало понятнее, дам несколько штрихов. Своего рода, репортаж с места событий.

...Зашедший и катастрофически задержавшийся рекламодатель Руфимский собирал у принтера выпадающую вёрстку – кто-то задвинул приёмный лоток, и тёплые листы А-третьего формата фланировали и разлетались по полу. Руфимский утратил человеческое достоинство (а может, ещё не заимел его), опустился на четвереньки и сгребал листы в кучу, напоминая нетрезвого дворника в городском саду. Прочесть что-либо рекламодатель был уже не в состоянии, и пользовался интуицией, сортируя листы по порядку. Кто-то наступил ему на пальцы, но был прощён. Отделался предупредительным мычанием.

...Тихон Шаповалов бил в коридоре жену.

Вечеринка развивалась в просторной комнате, где располагалось большинство персонала Издательства. Здесь работали верстаки (они же верстальщики, они же верстали, они же дизайнеры), сбоку сидели корректоры. Неподалёку стрекотали по телефонам девчонки из приёмки объявлений. Машинистки суетились между ног, как полевые мыши. Пролетела над головами шальная бухгалтерша... (Или это я путаю со "Служебным романом"?)

Однако рано или поздно даже в самой просторной комнате делается душно и накурено. Живые организмы склонны к испарениям, ничего не попишешь. Андрей Бузина вышел в коридор проветриться – вырвался на свободу. Достал сигареты (он, кажется, курил)... прислушался... звуки странного свойства захватили его хмельное воображение...

"По должному размышлению, любовью занимаются... черти..."

Андрей Бузина утратил часть передних зубов и был вынужден покорять девушек своими картинками. Он рисовал и на холсте, и на компьютере, и на бумаге. Причём одинаково хорошо. Вне сомнений у него был талант. Быть может, самый яркий из всей нашей безобразной братии.

В глубине длинного коридора что-то происходило.

Возня.

Имели место двое – это факт. Рассуждая трезво, мужчина

и женщина.

"Логично. Чего тихариться двум мужикам?" – простодушно подумал Андрей и совершил несколько шагов в направлении подозрительного шума.

Потолочный светильник отделял Бузину от "объекта", светил в глаза и мешал увидеть тёмный конец (прости Господи) коридора. Курить расхотелось. Андрей прижался к стене, и нерешительно двинулся вперёд...

Когда он миновал светильник и сумел рассмотреть дальний сегмент коридора, зрелище его очам открылось примечательное. На подоконнике (в торце коридора было прорезано окно) присутствовала жена Тихона Шаповалова Лариса Олеговна. (Когда бухгалтер Галя произносила это отчество, она неизменно вставляла в него небольшую, однако заметную паузу. Получалось, Лариса Олеговна.)

Так вот, Лариса Олеговна взмахивала руками, будто занималась аэробикой или танцевала танец маленьких утят, а Тихон Шаповалов поддавал ей ладошками по рёбрам. Лупил не сильно, но чувствительно. В воспитательных целях. Супруги о чём-то поругались – история житейская.

Бузина тактично приблизился. Кашлянул, привлекая к себе внимание. Смешался – всё же общение мужа и жены вещь таинственная.

Шаповалов прекратил воспитание. Оглянулся.

– Тихон!.. – обратился Андрей Бузина с почтением. – Быть может тебе... помочь?..

Тем же вечером, но чуть позже, когда номер газеты отправился в печать, в Издательство пришли девчонки.

Это непостижимая загадка и большой вопрос, но Издательство всегда привлекало талантливых молодых людей и красивых девушек. Причём без малейших признаков порока. Это позднее – в процессе работы, – едва заметные недостатки развивались в полновесные многогранные пороки... Опять же – неизвестно почему.

...Появились красивые девушки. Одна (Лида) училась в университете на журналиста. Вторая (Лена)... тоже где-то училась. Были и другие девчонки. Всего прибывшая "стайка" заключала пять или шесть девушек. Они равномерно распределились в пространстве.

Я мысленно выделил только двух.

С новоприбывшими вечеринка изменилась. Согласитесь, появление незнакомой, красивой и молодой девушки всегда действует на мужчину отрезвляюще. Руфимский тактично уполз из поля зрения, Андрей Бузина отмыл лысину. Тихон Шаповалов извлёк из "эн-зэ" бутылку неплохого грузинского коньяку и увядший лимон. Журналисты начали робко произносить тосты...

Примерно через час, Шаповалов объявил, что пора закругляться. На часах было одиннадцать – я отчётливо запомнил эту цифру. Одиннадцать-одиннадцать, если говорить точнее.

Народ проворно разбежался. Тихон заметил, что ему нужно зайти в свою художественную студию, по какому-то пустяковому делу. Пригласил девушек посмотреть картины. Сделал это пролётом, легко, без намёков и тем самым основательно намекая. Пригласил не всех, но только Лиду и Лену.

На Лену он положил глаз (это сквозило совершенно очевидно). Лида нужна была... чтобы пошла Лена. Шаповалов постиг глубины соблазнения и считал себя – не без основания – мастером городского пикапа.

Во многих смыслах это был уникальный человек. Я говорю о Шаповалове. Если бы меня попросили охарактеризовать его одним словом, я бы вспомнил слово "обаяние".

Если вдуматься, это великое слово. Дай Господь человеку многое: талант, деньги, красивую женщину. Отбери только обаяние. Глядь... через год-полтора – нет у человека друзей, не осталось денег, ушла женщина, и талант измельчал, рассыпался, словно песчаник под ногами бульдозера.

И, напротив, награди распоследнего мерзавца обаянием – ничего более не нужно. Через год у него и деньги, и вино, и бабы вокруг него выются, словно мухи над кучей мёда, и друзей набралась полная когорта... некоторые даже поклонниками себя считают. Дурачье.

Тихон Шаповалов обладал не только обаянием, он располагал очарованием. Художник, не умеющий рисовать. Юморист без чувства юмора. Издатель, не понимающий, как пе-

чатаются буквы... Его любили все и сразу. Влюблялись моментально, без предисловий и оговорок. Кроме, быть может, девушки Лены (которая появилась на вечеринке случайно).

Однако не станем забегать вперёд.

Девчонки переглянулись и согласились пойти. Тихон сунул в карман замшевого (как у Шпака) пиджака початый лимон, о чём-то на секунду задумался. Бутылку коньяка брать не стал (в студии было), подмигнул Александру Раевскому и решительно выдвинулся вперёд. Прочь из Издательства.

"Нас ждут великие дела!" – воскликнул Киплинг устами бандерлога. Тихон Шаповалов мечтательно промолчал. Вскользь подумал, что лучшее, что придумал Бог – это женщины. Милее женщин только красивые молодые девушки.

Пусть врут, пусть выдумывают, пусть воображают – хороши. Всё можно простить юной задорной деве.

Вечер был тёмный и промозглый. Как только садилось солнце, из синих подворотен выползала недобитая зима. Лизала кучи смёрзшегося льда. В подобные минуты поэты чувствовали тоску и разочарование. Расчёркивали до хрипоты свои блокноты:

Сегодня мне письма не принесли:

Забыл он написать или уехал;

Весна, как трель серебряного смеха,

Качаются в заливе корабли.

Сегодня мне письма не принесли...

Прежде чем продолжить повествование, нужно осмыслить роль Александра Раевского. Понять, зачем он был нужен в сложившейся четвёрке.

Теперь, когда я пишу эти буквы и слова, я могу придумать многое. Сказать, что две пары – это логично. Что девчонки могли напугаться одинокого Шаповалова (что чистой воды идиотизм, ибо в ту пору не было ещё привычки бояться ма-ньяков). Многое можно придумать, при старании.

Причина была проста: Лена понравилась Раевскому, а он понравился ей. Любовью это назвать преждевременно. Скорее лёгкая симпатия. Ниточка взаимного интереса. Желание обнюхать и лизнуть (простите такую "собачью" аналогию).

Плюс ко всему, Тихону Шаповалову нужен был клевет. Ибо, какое обаяние же без клеветы? Усечённый шарм. Гордость кастрата. Короля делает свита. Оставшись один, король сам стягивает с себя штаны и сам усаживается на горшок. Это – унизительно для королевского достоинства.

Присутствовала ещё неприкаянная Лида. Её нужно было нейтрализовать, передав в "хорошие руки". Повторюсь, механизм обольщения был отработан.

Студия Тихона Шаповалова располагалась неподалёку. Эта студия (само это место, это здание, эти тополя под окнами и вековые липы вдоль аллеи) сами по себе они заслужи-

вают рассказа. Ветхий почти загробный микрорайон в десятках домов. Улица Луначарского длиной в неполные два километра. Причём какой-то насмешник-градостроитель свернул улицу петлёй, как бы намекая на зацикленность Жизни. Кирпичные дома петровских времён. Крытые железом крыши, чугунные вензеля, испачканные бордовой краской. Студия – под крышей, вернее на третьем, последнем этаже.

Если поколдовать над тайной дверью в уборной...

Судя по некоторым признакам – например, по низкому потолку и округлому оконцу, – это помещение изначально предназначалось для складирования дров... или здесь хранили лопаты и веники, или горничные устраивали привалы, набегавшись между господами. Я говорю о временах дореволюционных, "удобства на дворе".

...Если поколдовать над потайной дверью – она откроется. В нос ударит запах сухой пыли и запустения. Через тесную дверцу можно попасть в "космическое пространство" – неосвещённый до черноты чердак, засыпанный керамзитом. Здесь нужно набраться смелости и пройти по доске, пользуясь в качестве компаса удачей. Далее – путь на крышу. К звёздам.

"Будто в коморке папы Карло", – думал Саша Раевский. Ему нравилось пробираться на крышу.

Раевский попытался понять, завидует ли он Шаповалову? Понял, что завидует. Чуть-чуть. Не тяжелее розового лепестка.

Шаповалов распахнул дверь, вошел в студию. Зажёг свет. Обилие красок, холстов и подрамников обычно поражало вновь прибывших. Сокрушало остатки девичьей обороны. Запах художественно мастерской кружил головы. Так получилось и в этот раз.

С Лидой, но не с Леной.

Тихон достал из холодильника колбасу. Немедленно раскупорили банку кабачковой икры. Кто-то взрезал ломтями сыр.

Много смеялись. Шаповалов распространял вокруг себя флюиды обаяния, как тёплые солнечные лучи.

Появился старик Натанзон из соседней квартиры. Люди ближе знакомые с бытом Шаповалова звали старика Робинзоном – так проще и понятнее.

Робинзон привёл Тишку – "барскую" собаку. Днями старик держал её у себя, кормил, выгуливал, за что получал от Шаповалова небольшую плюспенсионную мзду. По паспорту Тишка была таксой. В действительности – нет.

Пока девчонки визжали над собакой и трепали друг друга за уши, Робинзон растворился в интерьере. Он умел замечательно молчать и сливаться с поверхностью. Проявлялся только в нужный момент.

Зазвонил телефон. Тихон поднял трубку и сухо произнёс: "Слушаю". По его лицу пробежал серый блик. Саша Раевский сообразил, что звонила жена. Тихон отвернулся к окну,

отгородился спиной. Раевский повёл девушек вглубь студии. Чтобы не мешать разговору.

Начали смотреть картины. Саша был вынужден что-то говорить, девчонки подневольно восторгались.

Неожиданно Лена спросила:

– А есть здесь хорошие картины?

Раевский смешался. Вместо него ответил Робинзон:

– Есть. Одна. Но её написал не Шаповалов...

Девчонки рассмеялись, Саша улыбнулся, Робинзон обиделся. Не понял, что смешного в его словах? Есть хорошая работа. Почему нужно смеяться? Нужно смотреть и впитывать в себя энергию художника.

Саша взял Лену за руку и повёл на крышу. "Если в этом доме живут феи, то они там!" – пообещал высокопарно.

Лида не пошла, осталась в студии.

В соседнем доме, в крайней квартире на втором этаже работал телевизор. Транслировали хоккейный матч. Было прекрасно видно броуновское движение спортсменов по площадке.

– А у нас в Мурманске звёзды ближе, – сказала Лена.

– Ты из Мурманска?

– Родилась там. Жила не долго, до шести лет. В школу пошла здесь.

Саша неопределённо хмыкнул.

– Хорошо помню звёзды, и Кольский залив. Мы жили...

– Погоди, Мурманск это в Сибири?

Она рассмеялась. Ответила, что он почти угадал.

– Мурманск – это за Полярным кругом. У Баренцева моря.

– Там тоже живут люди? – удивился Саша.

– Ещё как!

– А зачем?

Шайба влетела в ворота, мужчина в белой майке подпрыгнул над креслом. Взметнулась его волосатая грудь, порхнули руки. На краткий миг стала видна наколка. Было наколото что-то сложное, чей-то художественный лик.

– Ты просто там не бывал, – ответила Лена. – У нас была квартира, на улице Бочкова. На шестом этаже. Окна выходили на залив. Знаешь как красиво? Какой вид?

– Нет.

– Там круглый год дуют ветра. В Мурманске... Кстати моряки зовут город Мурманском. С ударением на вторую "а".

– Мурманск, – повторил Саша. Почувствовал, как внутри него рождается загадка. Будто ему показали что-то знакомое и простое, но с неожиданной стороны.

– Неделю или две в году бывает штиль. Обычно в начале осени. Паруса безвольно опускаются, флаг над горкомом повисает, словно тряпка бабы Нюры.

– Кто это?

– Уборщица в институте. Там Лидка учится.

Саша кивнул.

– Кольский залив в такие дни становится спокоен и чист, словно лицо Будды. В нём отражаются звёзды.

– В Будде? – изумился Саша, пытаясь пошутить.

– В заливе!

Лена рассмеялась и ткнула кулачком в плечо.

Этот жест сделал их ближе. Ниточка симпатии превратилась лодочку. Или в паромную переправу: взойди на плот, прокрути колесо, и ты на другой стороне. Нужно только захотеть.

– Расскажи ещё что-нибудь, – попросил Саша.

У соседнего подъезда что-то хлопнуло (будто откупорили шампанское). В черноту неба засвистал сверкающий шар – летел и разбрасывал искры. В верхней точке шар лопнул. В небе повисла "звезда". Кто-то запустил осветительную ракету. Некоторое время оставался виден светящийся след и казалось, что это гнутая блестящая "шея". В небе зажгли фонарь. Особый, небесный.

Саша посмотрел на Лену. Она – на него. Это была их красота. Только их. Совместная общая красота.

Хотелось целоваться.

Минут через тридцать... или через два часа?.. Тихон Шаповалов поднялся на крышу. Откинул скрипучую крышку, пошарил глазами.

– Вот это вовсе никуда не годится! – Задорно ругнулся. – Оставили нас вдвоём, понимаешь... наедине.

– Сыграй с Робинзоном в шахматы, – предложил Саша.

– Нет настроения, – ответил Тихон. Прорекламировал: – Звезда пылает в вышине, я весь горю, я весь в огне... Пойдёмте-ка лучше выпьем вина. У меня есть бутылочка замечательного "Шардоне". Подарок из Африки. Честно! Из ЮАР студенты привезли. Хотел рассчитаться этой бутылкой за починенный кран. Сантехник не берёт. Говорит у него изжога от этого шмурдяка. Называю ему цену бутылки, не верит. Упрекает меня в обмане, ренегат.

– Наверное, он разбирается в винах, – предположил Саша.

– Ага. Это сантехник новой экономической фармации, – прибавила Лена. – Он перестроился.

– Чёрта с два! Просто мерзавец разбирается в людях! Не удивлюсь, если он по вечерам читает Кафку. А кран опять капает.

Кроме прочего, в студии пахло прогорклым маслом красок. После свежего воздуха это было особенно заметно.

А вино действительно оказалось кислым...

Мне не хочется дальше описывать вечер. Фразы, взгляды, ладонь на колено... трепет в чреслах и горящие глаза. Каждый читатель половозрелого возраста знает, как такое происходит. Кружится голова, пылают щеки, и дыхание делается жарче. Хочется выпрыгнуть из штанов, и только ремень мешает это осуществить.

Окончилось тем, что Шаповалов отправился проводить

Лиду. Перед этим отозвал Сашу на кухню, театрально швырнул на столик ключи. Сказал:

– Студия твоя. Утром будете уходить – закрой дверь. Ключи отдашь в Издательстве.

Нужно отдать должное, Тихон уродился человеком широкой души:

"Девушка понравилась парню, парень понравился девушке, – рассуждал он. – Зачем мешать?"

Благородное рассуждение, согласитесь.

Тихон и Лида ушли. Робинзон незаметно увёл Тишку. Лена осталась с Сашей.

Я понимаю, о чём вы сейчас думаете. И чего от меня ждёте. Если бы я СОЧИНЯЛ эту историю, я бы непременно теперь заговорил об алых лотосах, произрастающих на полях Эроса... Или скрупулёзно бы описал половой акт, во всех душеволнующих деталях. Или дал бы фразу... что-нибудь замысловатое, в восточном стиле: "Долго нефритовый всадник блуждал по заброшенным землям, отдавшись на волю рока и проведения. Степной ветер то вздымал его паруса, то швырял в лицо горсти пепла. Наконец, судьба смилостивилась к одинокому бродяге, и нефритовый всадник проник в пещеру страсти. Где отдохнул и наслаждался..."

Что-нибудь эдакое. Что пишут в подобных случаях.

Но история мной не выдумана, и я принуждён придерживаться фактов.

Саша и Лена просидели до утра. Болтали, потом смотрели картины (чудака и придумывая смешные заголовки). Потом выпили чаю, Лена пожарила яичницу... или это Саша поджарил колбасные дольки?.. Бытовые мелочи делаются милыми, если их проделывать ночью, в чужой художественной студии, стараясь не беспокоить соседей.

Вдвоём было интересно. Время пролетело незаметно.

Утром Саша проводил Лену до остановки.

Возмутительно быстро подошел автобус. Водитель-армянин обежал девушку взглядом. Глазки его моментально умаслились.

– Подожди! – двери уже почти закрылись, Саша вскочил на подножку, упёрся локтями в створки. – Когда мы увидимся?

Водитель недовольно заверещал и надавил на тормоз. Старушка в первом ряду сдержано проговорила: "Вот же бляди". В ней чувствовалось воспитание.

– Завтра, – пообещала Лена.

– Я не знаю твоего телефона!

Двери-таки захлопнулись, Саша бежал за автобусом. Лена прокрутила пальцем диск воображаемого телефона, поднесла "трубку" к уху, затем показала на Сашу указательным пальцем. "Я тебе позвоню!" Он кивнул и остановился.

"Она мне позвонит".

Утро получилось хмурым. Собирался дождик. Он пускал первые пробные нюни, будто решая сеять ли долго и нудно, или подкопить силы и вылиться вечерним ливнем.

В голове крутилась песенка кота Леопольда: "Мелкий дождь бьёт в окно, хмурится природа, но известно давно, нет плохой погоды..." Она вертелась по кругу, напоминая заезженную пластинку.

Саша пошел до работы пешком. Хотелось пройтись, немного выветрить из головы прошедшую ночь. Она слишком переполняла. Нужно было расплескать. Иначе нести тяжело.

Рядом спикировал голубь. Нерасчётливо капнул на асфальт. Саша остановился, опустил глаза. Понял, что шальных денег сегодня не будет. Решил, что это странно: "Чтобы получить денег, нужно, чтобы тебя прежде обгадили... Неужели без этого невозможно? Нельзя так: деньги мне, а дерьмо кому-нибудь другому?"

В Издательстве кипела работа. Наборщицы набирали, подборщицы подбирали, уборщицы – убирали.

Саша зашел вернуть ключи от студии. Шаповалов лаконично спросил: "Ну, как она?" Саша ответил, что всё хорошо. Почувствовал, как розовеют уши. Шаповалов этого не заметил. Увлечённо создавал карандашный набросок.

"Вот и замечательно!" – Саша выскользнул из кабинета.

Не хотелось делиться тайной. Это было бы предательством.

На следующий день (была суббота) пошли в кино. Показывали комедию. Юмор был сложным и многогранным, с претензией на глубину. Саша не сразу сообразил, что на экране происходит смешное. В какой-то момент Лена расмеялась, её смех подхватил весь зал (видимо ждал сигнала). Саша тоже прыснул в кулак – Лена смеялась заразительно.

...После сеанса захотелось есть. Тётка с улыбочивым лицом карманника продавала на остановке беляши. Купили два.

– Какой горячий! – удивилась Лена.

– Только что испекла, деточки, – пообещала тётка. – Кушайте.

– И у меня, – проговорил Саша. – Горячий.

Когда отошли на приличное расстояние, оказалось, что начинки нет и в помине. Ни в одном пирожке. Тётка таким манером "поднимала бабки". Экономила на начинке.

Саша хотел вернуться, потребовать деньги. Лена сказала, что это пустое:

– Бизнес есть бизнес. Она молодец. Это мы оплошали.

Две последующие недели пролетели в волшебной дымке. Такое бывает, когда влюблён и молод. Опыт и практицизм ещё не отравляют сознание. Не обжегся на молоке, а потому нет смысла дуть на воду.

Лена пригласила к себе. Сказала, что пора познакомиться ближе. Двусмысленность фразы настораживала (с одной стороны), в другой – приятно возбуждала.

Назвала адрес, уточнила во сколько прийти. Перечислила, что нужно купить. Её деловитость волновала не менее приглашения.

Весь день сидел, как на иголках. Андрей Бузина заметил нетипичное поведение самца, спросил:

– Чего елозишь? В лотерею собираешься выиграть?

– На свидание иду.

– А-а! – в голосе Бузины прочиталось разочарование. Он втянул в себя воздух и выдохнул: – Нужное в хозяйстве дело. Хотя и затратное.

Район был незнакомый. Точнее малознакомый. Саша бывал здесь только однажды, в детстве, когда болел корью. Где-то здесь притаилась инфекционка.

Чтобы обнаружить заветный дом, пришлось пойти на контакт с местным населением – остановить пацана на спортивном велосипеде. Парнишка долго крутил башкой, не понимая чего от него хотят. Потом махнул грязной ладошкой в сторону солнца, сказал, что Саша не доехал целую остановку.

– Лучше, мля, на трамвае. – Ещё раз махнул ладонью. – Или чеши, мля, в том направлении. Увидишь сталинку гов-

няную, ага, значит пришел. Спроси где-нибудь, если заплутаешь.

– Спасибо! – поблагодарил Саша.

– Ага. Давай-давай.

Парнишка налёг на педаль и припал к рулю.

Страстно захотелось свиснуть ему вдогонку. Для ускорения.

Дом был выкрашен характерного цвета краской. Саша сразу узнал его и мысленно поблагодарил велосипедиста за внятное описание. Горчичный корпус украшали коричневые колонны. Сталинка!

В отзвуках этого названия было что-то таинственное. Грозно гремели литавры революции, люди в чёрных кожанках перемещались по Красной площади, гудели бронемшины. Боец в будёновке накалывал на винтовочный штык пропуски. Ленин подписывал декрет. Сталин склонился над картой страны. Троцкий мчался в бронепоезде...

"Если был культ личности, – не к месту подумал Саша, – значит, была и личность. Чем ярче личность, тем масштабнее культ".

Скрипнула дверь. Парадное, лестница, нужный этаж. Смирная трепет сердца, Саша Раевский надавил на кнопку звонка. Поднял голову, удивился высоте потолков.

Лена открыла почти сразу. Не ней было красивое голубое платье. Ровное, шёлковое с асимметричным вырезом и бро-

шью. Саше понравилась выразительная лаконичность наряда.

Хотелось сказать что-то возвышенное. На ум пришло пошлое:

– Тебе идёт. – И ещё: – Ничего себе квартирка!

Лена приняла пакеты, убежала на кухню. Крикнула:

– Это квартира бабушки. Я тебе рассказывала. Проходи в гостиную!

Саша прошел по коридору. Под ногой скрипнула паркетная доска, из окна, сквозь стекло дверей уколол солнечный луч. Было ощущение, что сталинка присматривается к новому человеку.

В большой комнате (очевидно гостиной) Саша остановился. Почему-то его удивил круглый стол. Поверх столешницы уложили толстое матерчатое покрывало (длинное, до самого пола, с кистями), Покрывало защитили клеёнкой. Поверх всего – ситцевая скатерть с крупными птицами. Саша приподнял "пирог", стараясь разглядеть, что скрывали с подобной тщательностью...

– Обычный стол. – Лена вошла в комнату, несла тарелки. – Восемнадцатый, кажется, век. Дубовый. Бабушка его любила и оберегала.

Лена поставила тарелки и опять вышла, оставив Сашу наедине с комнатой.

В углу стояли напольные часы. Чуть выше и правее закрепили книжную полку, но книг было мало. На полке раз-

местились статуэтки слоников, кошка, вырезанная из чёрного дерева, несколько чёрно-белых ржавых фотографий. За стеклом – фарфоровые чашки. Тонкие и прозрачные, как пальцы балерины. Рядом висело нечто странное: грубое, выгнутое, серое, неприятное.

"Весло? – подумал Саша. – Или..."

– Это китовый ус.

Лена принесла очередную порцию вкусностей. Сказала, что это кусок китового уса. Его привёз дедушка. Из рейса.

– Ты всё забыл, я тебе рассказывала. Мой дед рыбак. Они с бабушкой познакомились в Москве. В тридцать девятом. Бабушка только вернулась из Испании. Она воевала в медицинском батальоне. Её ранили и отослали на родину. Ты забыл?..

Саша залепетал, что всё прекрасно помнит. Кратко пересказал историю лётчика Виктора Хользунова (статью про него недавно печатали в газете).

История оживала на глазах. Оказывается, война в Испании, действительно, происходила. У кита есть ус, а на столе – тройное покрывало. Чтобы защитить его от времени.

– Мурманск, – сказал Саша, акцентируя второй слог. – Я помню. Залив имени Кольского полуострова. Штиль над Буддой и баба Нюра... в подстаканнике.

Лена рассмеялась. Приказала:

– Открывай шампанское, дурачок! У меня всё готово.

На столе выстроился хоровод тарелок. Саша почувствовал

голод, и вспомнил, что сегодня не завтракал. И вообще не ел целый день. Самоотверженно взялся за бутылку...

Пока он возился с пробкой, Лена подошла к шкафчику, откинула дверцу. За дверцей оказался патефон и длинная "грядка" пластинок. Лена выбрала одну, положила на патефонное "блюдо". Прокрутила рукоять и повернула медный раструб в комнату. В этих действиях существовало нечто алхимическое.

Патефон откашлялся и запел голосом Утёсова:

Одесский порт

В ночи простёрт.

Маяки за Пересыпью светятся.

Тебе со мной

И мне с тобой

Здесь, в порту, интересно бы встретиться.

– Бабушку ранило в руку, – рассказывала Лена, – а дедушка приехал в Москву по заданию рыбаков своей артели. Ему наказали встретиться с товарищем Калининым и рассказать о новых методах промысла. Дедушка ловил камбалу... кажется. Или треску. А возможно, и то и другое.

Саша наполнил шампанским фужер, поискал глазами второй. Лена сказала, что второго фужера нет, и он не нужен: "Мужчины в этом доме пьют только водку". Показала на высокую цилиндрическую ёмкость из зелёного стекла. Эта ём-

кость напоминала прямой гранёный стаканчик на цапельной ножке.

– Бабушка сама готовила водку. Считала, что она должна быть в пятьдесят градусов и обязательно настаиваться на клопах. Чтобы напоминать коньяк.

– Что ты городишь? Какая мерзость!

В Сашином лице отразилось смятение. Лена ткнула его в плечо (это стало их совместным жестом) и призналась:

– Шучу! А ты поверил?.. Бабушка добавляла анис и груши. Настаивала, потом процеживала. Для крепости вливала медицинский спирт.

Она налила из графина водку. Саша принял "священную семейную чарку".

Предложил:

– За нас? – с лёгкой вопросительной интонацией.

Часы пробили восемь. Звон долго заметался по углам огромной квартиры, ему вторило эхо. Леонид Утёсов гармонично вписывался в эту звуковую метель. Он тоже жил в этой квартире, был полноправным участником:

Хотя б чуть-чуть

Со мной побудь.

Я иду в кругосветное странствие.

В твой дальний край

Идёт трамвай

Весь свой рейс до шестнадцатой станции.

– А где она? – спросил Саша.

– Кто?

– Бабушка?

– Умерла, – ответила Лена. – Давно. Два года как.

– Жаль.

– Я жила с ней. В этой квартире. С самого детства. С шести лет, я рассказывала.

Саша хотел вернуть стаканчик на стол, понимая строгую торжественность момента. Лена удержала его руку.

Сказала:

– Мы дружили. Несмотря на разницу в возрасте. Это большая редкость.

– Выпьем за неё? – предложил Саша. Ему хотелось присоединиться к дружбе.

Ответить Лена не успела. В дверь позвонили. Кто-то кратко надавил на пипочку, потом дал второй короткий "гудок". Следом три длинных.

Лена отреагировала мгновенно и совсем не так, как мог предположить Раевский.

Она приложила палец к губам, давая понять, что вводится режим молчания, тремя огромными кошачьими шагами прыгнула к патефону, осторожно сняла иглу на полуслове. Избавившись от музыки, она подлетела к двери. Прильнула к стене и прислушалась. Глазка дверь не имела.

Всё происходящее напоминало детективный фильм.

"Или фильм о шпионах..." – подумал Саша и опустил водку в рот. Надоело держать стаканчик на весу.

"Резидент явился на конспиративную квартиру, где пастора Шлага ждала засада".

Ленка сделала строгие глаза и вновь приложила палец к губам.

В дверь ещё раз позвонили. Человек за дверью громко высморкался, нетерпеливо переступил – доски скрипнули под ногами. В движениях звонившего сквозило нечто самоуверенное. Требовательное. И даже наглое.

В открытую форточку залетел ветерок, солнце рисовало на стенах странные знаки. Светотень напоминала размноженное в десяток копий изображение аламбика: с трубками, бликами и пузатыми брюшками.

На верхнем этаже захрипели ножки дивана (вероятно), кто-то встал, пересёк по диагонали комнату. Звук получился очень близкий, понятный.

Лена вернулась к столу, отпила шампанского. Потянулась. Дом подчинялся ей, позволял действовать и двигаться беззвучно. Губами произнесла: "Сейчас он уйдёт! Не волнуйся!"

Саша пожал плечами: "А я и не волнуюсь! С чего мне волноваться? Он шпион, не я".

Подцепил вилкой кусочек сыра и подумал, что следует выйти и категорически объяснить человеку, что приходится

сюда больше не нужно... Не стоит сюда приходить.

"В худшем случае, обломаю рога..."

Магия хорошего настроения стремительно расплзлась. Лена это почувствовала. Наполнила стаканчик ещё раз, положила на тарелку котлетку. Котлетка была маленькая и аккуратная, словно игрушечная. Из глянцевого бока торчала увядшая веточка укропа. Саша невольно улыбнулся, взял в руки стаканчик и тарелку.

За дверью ещё раз переступили. Звонок кратко тьякнул и оборвался. Гость убрался восвояси.

Саша поднёс стаканчик к губам, но не выпил, вернул на стол полным.

– Кто это?

– Сосед, – соврала Лена. – Он немного того... псих. Теперь у него весеннее обострение. Ходит по всем квартирам. Звонит. Стучит.

Саша кивнул.

– Знаешь... – В груди неожиданно родилась решимость. Известное чувство: "Пан или пропал". – Мне кажется, мы зря теряем время.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы давно должны быть в спальне. Я нахожу эту комнату особенно интересной.

Лена подошла ближе, обняла, положила руки на плечи. На белой после зимы коже проступали веснушки.

Прошла секунда. Вторая.

Саша ждал и не понимал, стал ли он паном или уже пропал? Будет сухой приговор: "Посмотри на себя!" и полный презрения взгляд. Или нечто другое?

Поцеловала. Взяла за руку и быстро повела вглубь квартиры. Двигалась уверенно, как проводник. В сущности, она и была проводником...

В спальне Саша успел заметить тяжелые зелёные портьеры. Цвет был настолько глубоким и мудрым, что ткань казалась чёрной, и только солнечный свет, пронизывающий материал, выдавал оттенок.

...Долго нефритовый всадник блуждал по заброшенным землям...

И далее, по тексту... как я писал ранее.

– Ты меня обманула.

Лена удивилась:

– Разве? Когда?

– Ты не сказала, кто приходил.

– Тебе хочется знать?

– Думаю, да.

– Это был Слава.

– Кто есть Слава?

– Мой жених.

– Хорошая шутка.

– Через две недели у нас будет свадьба.

Он приподнялся на локте, посмотрел. В утробе спальные плавали сумерки, Саша рассмотрел её глаза. Глаза не лгали.

– Это мило, – сказал он.

Мозг выдал дежурную фразу:

– Ты его любишь?

– Конечно! – ответила Лена.

Краткая пауза перед ответом убеждала, что вопрос о неземной любви здесь неуместен. Любовь была практической, земной.

Да и что такое "неземная любовь"? Хуже неё только "любовь до гроба". Любовь, которая рушится через месяц после загса. И очумевшая, яростная супруга готова сожрать своего суженого без перца и без соли. Как паучиха паука.

Брак по расчёту – единственный брак, в котором присутствует здравый смысл. Вдумайтесь, и вы поймёте, что я безоговорочно прав.

Только не подумайте, что я привожу здесь рассуждения Саши Раевского. В эту секунду ему было глубоко наплевать на рассуждения, ибо, как только просыпалось желание, рассуждения становились излишни.

"И то истина, что на всей Земле нет большего наслаждения, чем совокупление с молодой горячей наложницей..." – так молвил буддистский монах Ринчен Санпо. А он кое-что понимал в любви. В хорошем смысле этого слова.

...Закончив, долго стояли под душем. Грелись. Целова-

лись.

Выбрались из ванной. Съели и выпили всё, что было приготовлено. Отварили пельменей, съели их. Не жалея сметаны и сливочного масла.

(Клеймлю сей поступок с завистью, и стараюсь опозорить чревоугодцев: Молодые! Здоровые! Организмы!)

Перед уходом Саша спросил:

– Ты не шутила?.. Свадьба... Слава?

– Разве с такими вещами шутят?

– Действительно. – Саша смутился.

Солнце переползло к другому углу комнаты. Фотография Менделеева казалась ликом удивлённого Христа.

– Пойдём завтра в парк, – предложил. – Тюльпаны зацветают... я видел.

– Пошли.

В какой-то мере, определённая внесла спокойствие. Всё понятно: есть жених, есть дата свадьбы. Есть Лена. И есть Саша... какой-то неведомый Слава... Славик.

И ничего непонятно. Как судьба отварного ёжика.

В городском парке, действительно, расцвели тюльпаны. Они показались детдомовскими – тощими, неухоженными, вызывали сочувствие. Хотелось согреть их ладонями. Унести с собой и посадить в горшок, на тёплый подоконник.

Неподалёку от клумбы мёрз размашистыми ушами Ман-

дельштам – его бронзовый двойник, – вздёрнул к небу выразительный еврейский носик.

Однако не в тюльпанах было дело. И не в бронзовом Мандельштаме. Находиться вблизи (но на расстоянии друг от друга) было трудно. Пронзали молнии, тянули друг к другу. Стискивали. Опоясывали невидимыми силовыми линиями.

– Поедем к тебе? – предложил Саша.

– Здесь лучше пройти пешком, – откликнулась Лена. – Я знаю короткую дорогу.

...Страждущий нефритовый всадник опять проник в пещеру наслаждений...

– Я не очень понимаю... – сказал Саша.

Издалека, их разговор напоминал семейную разборку. Правда. Культурные супруги попытались урегулировать конфликт половым путём – не удалось. Перешли к демократическому обсуждению. Точно на прениях в парламенте.

– Что именно? – спросила Лена.

Он потёр лоб, сомневаясь, стоит ли открывать прения.

– Кто я для тебя?

Лена задумалась.

– Милый друг, – перечисляла, – хороший товарищ, замечательный любовник. Ты мне интересен. Этого мало?

– Это очень странно.

– Почему?

– Все эти качества должны быть у мужа. Разве нет?

– Ты приглашаешь меня в ЗАГС?

– Нет, но...

– Но? – цепко повторила Лена.

– Понимаешь... мне трудно объяснить... вернее, тяжело признаться...

– Если это постыдное – не говори.

– Вовсе нет! – Появилась досада. – Когда я был маленьким. Лет может быть шесть... или пять. Мы ездили на электричке за город. Целое путешествие. Там была станция – огромное здание, облицованное бежевой плиткой. На станции работал отец...

Саше понравилось, как она слушает. Пристально слушает. Внимательно.

– Многие детали испарились, тонкости исчезли. Помню лишь штрихами. Было здание, мы входили через "вертушку" внутрь. Была высокая стена с метеорологическими приборами. Люди в халатах. Большой самовар. Смех.

– Смех?

– Хорошая атмосфера.

– Да, я понимаю.

– Была женщина. Когда отец заканчивал измерения, мы возвращались в город. Вместе.

– Тебе она нравилась?

– Очень. Но только не в сексуальном смысле. Мне было мало лет, ты помнишь. Эта женщина – я даже не помню её

имени, – она мне казалась идеальной. Венерой. Богиней. Я мечтал, чтобы она была моей мамой.

Лена встала, легко скользнула вдоль кровати. Саша опять поразился, что доски паркета не скрипнули. Сталинка соучаствовала в прелюбодеянии.

– Маленький мальчик влюбился?

– Пусть так, – согласился Саша. Признался: – В тебе я увидел черты той женщины.

Лена подняла руки, набросила халат. На короткую долю секунды солнце освещало её тело. Вспыхнул контур: высокая грудь, талия, резко очерченные сосцы.

– Какие? – требовательно спросила она.

– Очень многие! – ответил Саша. – Фигура, волосы, овал лица, глаза...

– Я знаю! – подтвердила Лена. – Поверь, женщина всегда знает, когда её любят, когда её хотят, и когда боготворят. Ты ещё рта не успел раскрыть, а я уже знала, что мы будем любовниками. Поверь.

– Любовниками и... и только?

– И только.

Она рассмеялась. Смех был её секретным оружием. Он менял пространство. Перемещал в другое измерение. Сбивал с ног. Следовало запретить его, как секретное оружие.

– Хочешь есть? Я что-нибудь приготовлю...

– А ты?

– Я чертовски голодна.

Квартира ожила. Запели трубы. Где-то сверху и сбоку закашлялся диагнозом старик-сосед. По водосточной трубе пропел кусок запоздавшего весеннего льда.

"А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб... Маяковский произнёс эти слова в 1913 году, – подумал Саша. – Ещё чуть-чуть и будет сто лет".

Лена принесла в гостиную свечи – толстые огарки в серебряных подсвечниках. Вдвоём перенесли стол – поставили в центр комнаты.

– О, рыбный шницель, царь природы! Тебе поём мы песни, оды... Хочешь рыбки? – спросила Лена не без таинственности.

В голосе звучала теплота. Игривая теплота. Саша почувствовал в себе немедленный отклик.

Правильно называть этот отклик – откликом в спину. Он хотел её, и ему было плевать на всё остальное. На жениха, на свадьбу... Ни намёка на благоразумие.

– Я не люблю рыбу, – признался.

– Ты просто не понимаешь, как это вкусно.

Прошли на кухню.

Огромный торс какой-то рыбыны главенствовал в раковине. В холодильнике томились остатки шампанского, зелёный графин, сметливо начинённый бабушкиной специальной водкой.

Начали готовить... выпили шампанского...

Или наоборот: выпили шампанского, начали готовить?

"Как хорошо! – подумал Саша. – В этом скрипучем старом доме... как я люблю её".

Далее: ужин – свечи – патефон – шампанское – секс.

Мой рассказ делается однообразным, и я прошу за это прощения. Оправданием может служить только то, что я не придумываю эту историю. Я пытаюсь записать справедливо и честно. Создаю протокол действительности – такой она была на самом деле. Некоторые моменты я оживляю, придаю им романтическую окраску, как художник, расписывающий стены психиатрической лечебницы. Но это только штрихи. Блики не существующей реальности.

Шучу.

Всё правда. В каждой букве – былъ.

Уснули рано. Не было ещё десяти. Собственно, Саша нырнул в царствие Морфея сразу после секса. Лена задвинула шторы, попила воды, прошла до конца коридора, вернулась. Что-то томило. Неприятное ожидание.

Взяла в руки бабушкино вязание... Бабушка не любила вязать, но в последние годы это стало единственным доступным развлечением. Исключая глупый телевизор.

Отставила клубок – воткнула спицы. Мысленно приказала взять себя в руки. Вернулась в спальню, скользнула под одеяло. К тёплому боку спящего любящего мужчины.

Он пошевелился, рефлекторным движением обнял. Мужчина обнимает во сне свою женщину. Что может быть прекраснее?

Часы показывали без четверти два. В дверь позвонили. Позвонили просто, без затей. Произвели два длинных казённых гудка.

Сердце ёкнуло: "Всё-таки случилось!"

Лена выпорхнула из постели, накинула Сашкину рубашку, пробежала к двери. Открыла без разговоров, словно знала, что следует открыть.

Саша проснулся, ещё не понимая, что происходит. Открыл глаза, повёл рукой, будто отодвигая морок.

В прихожей ментально стало шумно. "Пришельцы" восторженно громыхали, разговаривали, шумели.

Приехали родители. Из Мурманска. Из МурмАнска, если говорить на местном диалекте. Родители Лены, чтобы вы поняли.

Отец говорил громко, вёл себя шумно, властно. Он с трудом умещался в гигантской прихожей. Мать чутко прислушивалась (понимала присутствие мужчины в спальне), нежно щебетала.

Обменялись рукопожатиями, объятиями, поцелуями. Произнесли дежурные фразы.

Саша окончательно проснулся, отряхнулся. Упредительно натянул штаны и пошарил в темноте рубашку.

Лена провела родителей в кухню, поставила на огонь чайник.

–...С трудом взяли билеты, – грохотал отец. – Но всё сложилось удачно. Как ты тут?

Лена пыталась отвечать, огонёк её голоса тонул в раскатах отца. Всё одно, что пытаться говорить в грозу.

–...Я сам только что из рейса... точно! Ходили за палтусом, хорошо взяли... мать говорит, у тебя свадьба! Радировали в порт... ребята поддержали... катер дежурный выслали... капитан выписал премиальные... вся команда на тельнике... на тельняшке расписалась. Сказали, пусть носит на счастье!.. А?.. я?..

Забавно было слушать эту историю. Саша сидел на кровати и скучал. Понимал, что за ним никогда не вышлют катера, не привезут в порт, чтобы стремительно лететь в другой город на свадьбу. И не подарят тельняшку, с автографами рыболовной команды.

Засвистел чайник. Гул отца затих. Мама произнесла:

– Лена! – голос настойчивый. – Позови, наконец, Славу. Мы хотим познакомиться.

– Верно! – одобрил отец. – Тяни жениха на свет божий! Хочу его увидеть! Обнять мужика, руку пожать!

Родители знали, что в квартире мужчина. Понимали, что это Слава – жених, и хотели с ним познакомиться. Познакомиться с будущим зятем.

Возникла пауза. Мелькнула. Царапнула.

Не представляю, что в эту секунду подумала Лена. Знаю, что Саша не раздумывал долго. Он взял в руки пиджак – просто, чтобы занять руки, – и вышел на кухонный свет, под конус лампы с фарфоровым абажуром.

– Здравствуйте!

Отец протянул руку, мать осмотрела оценивающе.

– Знакомьтесь, – сказала Лена. – Только это не Слава. Это Саша.

Вот в этот момент действительно повисла пауза. Основательно повисла. Вязко. На две секунды, или дольше.

Заложники обстоятельств переглянулись. Мать подняла брови: "Что поделаешь?" Отец рокотнул насмешливо: "Привет, Саня!" Саша приветливо улыбнулся, пожал протянутую руку, спросил о какой-то чепухе... кажется о рубашке. Постарался максимально быстро исчезнуть из квартиры.

Лена ни о чём не говорила. Молчала.

Да и о чём тут говорить?

Я пытался поставить себя на место родителей. На место матери или (с большим успехом) на место отца. Понял только одно: мне не хотелось бы оказаться на их месте.

С другой стороны, о чём рассуждать?.. Кого судить?.. Какие у меня права порицать?.. Ни малейших прав.

Так жизнь распорядилась. Утрите слёзы, господа!

12 июля. День рыбака. Губернский Город. Набережная

Луначарского. Вечер.

Примерно через двадцать лет, после описываемых событий.

Солнце стремится к горизонту. Чайки пикируют в воду. Благодать.

В зарослях акаций и кустах жасмина кипят страсти. Молодые торопятся жить.

Пивное счастье в лице оранжевой бочки распродаёт остатки напитка. Объёмная продавщица строго следит за порядком. Страждущие горожане (не)терпеливо выстроились в очередь. Мы упредительно взяли бутылочного (по паре) и пренебрежительно поглядываем на "бочковых бойцов". Они отвечают нам здоровой человеческой ненавистью.

Из динамиков гундосит Утёсов:

Махнёшь рукой,

Уйдёшь домой.

Выйдешь замуж за Васю-диспетчера.

Мне бить китов

У кромки льдов,

Рыбьим жиром детей обеспечивать!

– Я помню эту песню! – говорит Александр Раевский. Мой приятель и хороший товарищ. – У меня был роман под эту мелодию. Честно. Знаешь, как я волновался...

– Представляю! – хохотнул я. – Тебя всегда любили бабы.

Она была вдовой, имела родинку под носом и четверых детей. Тебя очаровали её выдающиеся формы и мерседес последней модели...

Мне хотелось шутить. Балагурить.

– Ничего подобного.

Саша оставался серьёзен.

– Это была грустная история... Грустная для меня... И для неё.

Он рассказал про себя и про Лену. Про сталинку, и много чего ещё.

Оказывается, свадьба состоялась. Роскошная свадьба в лучшем городском ресторане. Шампанское лились рекой, гости кричали "Горько!", жених много раз целовал невесту. Невеста отвечала трепетной, нежной взаимностью. Отвечала искренно и жгуче.

Много танцевали, пели песни. И даже никто не подрался. Очевидно, без этого возможно обойтись на Руси.

Муж Лены, Слава, работал в торговой фирме. Продавал пылесосы... или стиральные машины... или газовые плиты? Нечто подобное. Это был в высшей степени добрый, надёжный, стабильный, любящий мужчина.

Лена устроилась в полиграфическую фирму. Через пару лет, она возглавила бунт. В нём участвовали все сотрудники фирмы (несколько женщин, плюс мужчина – печатник). Хозяину выразили вотум недоверия и скопом уволились. В одночасье. Основали собственное предприятие. Вроде бы ку-

пили печатный станок...

Более ничего не знаю. А врать не хочется.

Шумит волна,

Плывёт луна

От Слободки за Дальние мельницы.

Пройдут года,

Но никогда

Это чувство к тебе не изменится.

Вдоль горизонта растянулась закатная оранжевая лента. Небо отражалось в море. Чайки уселись на воду. Город успокаивался. Леня расползлась по всякому живому организму. Рыбак выудил карпа. Крупного. Карп бился и всячески выражал негодование. Мальчишки побежали смотреть.

– А хорошо! – сказал я.

– Что именно? – уточнил Саша.

– Всё хорошо, – ответил я. – Что хорошо оканчивается.

Он согласился.

Попробовал бы он не согласиться... бродяга!))

История вторая. Свадьба друга.

В Издательстве...

В Издательстве работала уйма народу, однако у меня не поднимается рука называть этих людей работниками. Во-первых, потому, что большинство из них были талантливыми бездельниками. Во-вторых, все причастные были яркими людьми. Личностями. Называть их работниками всё одно, что называть Майкла Джексона (например) певцом вокально-инструментального ансамбля. Формально это – правда, но, согласитесь, сквозит нечто унижительное в такой казённой формулировке. Другое дело: Король Поп Музыка. При том именно так, с прописных букв, и с "Поп" в середине. То есть и Король, и Поп одновременно.

Мне отчётливо запомнилась одна личность по фамилии Дудак. Кажется, его звали Сергей. Подозреваю, что за именем в метрике писалось отчество, но ответьте, для чего нужны все эти глупые подробности при такой выразительной фамилии? Они явно лишние...

Дудак утверждал, что произносить его фамилию необходимо с акцентом на литеру "у". Мы старались. Но это не слишком спасало. Выручало, как фиговый лист. Стоило только языку оступиться в ротовой полости, и Дудак превра-

щался в самого обычного...

Однако не станем говорить о грустном, тем более что судьба Дудака в Издательстве случилась краткой и выразительной, как след пикирующей звезды.

К основному залу Издательства (там, где сидели верстальщики, наборщицы и остальные сочувствующие процессу личности), примыкала маленькая комнатка. Изначально, она несла в себе какое-то практическое значение... или сакральный смысл?... давно, в те староглиняные времена, когда затевался бизнес. Со временем, многое переменилось. Комнатку (как чайки особенно высокую скалу) облюбовали бабы – пили там чай, сплетничали, меряли лифчики (я этого не видел, но подозревать имею право). Незаметно комнатка переименовалась в "Чайный домик". Согласитесь, название не лишено изящества.

Дудак решил воспользоваться Чайным домиком в корыстных целях. Была у него одна странность. Даже две. Точнее – три.

Опишу кратко:

Он обедал исключительно тушеной свининой. По нынешним временам – это замечательно, ибо невозможно заподозрить в исламизме человека, употребляющего в месяц половину свиной туши (примерно).

Однако девчонок это раздражало. "Опять жрёт! – изумлялась бухгалтер Галя. – Гремит ложкой, как извозчик лопатой!"

Дудак вспарывал ножом банку тушенки и выедал содержимое ложкой. Закончив, облизывал ложку и прятал её в ящике стола.

Засим трапеза не оканчивалась. Она переходила в странность номер два.

В общем платяном шкафу Дудак хранил цигейковую куртку. После обеда он распахивал настежь окно (презирая зимние холода), надевал тёплую куртку и садился в кресло (офисное, на колёсиках).

Засыпал почти мгновенно. Закидывал голову... и храпел... храпел... рот во сне приоткрывался...

"Я не могу на это смотреть!" – жаловался художник Андрей Бузина.

Художник забирал кружку и выходил из Чайного домика.

"Почему?" – спрашивал я. Мне было забавно, чем дело окончится.

"Хочется взять бритву, – признавался Бузина, – и чиркнуть по горлу! Он меня провоцирует! Будет тёмную половину моего сознания. Кормит чёрного волка моей души. К тому же у него пахнет изо рта!"

"У волка?"

"У Дудака!"

"Чем?"

"Ясно чем. Свиной. Не палтусом же?"

Все понимали, что долго он не продержится. Не хватит огневой мощи. Дудак умудрился сплотить против себя всю

женскую половину коллектива, а значит, был обречён на поражение. Ступил на скользкий путь, как пионер, укравший в супермаркете поллитру. И пионерская организация, и родители, и охрана магазина редкостно едины в своём осуждении.

Исчез Дудак незаметно. Словно испарился. Исчезла из шифоньера куртка, в столе осталась солдатская алюминиевая ложка. Неделю в Чайном домике держался запах тушенки, потом ликвидировался и он.

Рабочее место Андрея Бузины располагалось напротив стола Александра Раевского. Бузина что-то рисовал. По графическому планшету скользило перо. Художник щурился, и время от времени отклонялся назад, оценивая нарисованное. Брезгливо хмурился.

– Тихон разводится, – произнёс в пространство.

– Опять? – уточнил Раевский.

– Опять, – подтвердил Бузина. Перо заметалось по планшету (Бузина штриховал фон), глаза превратились в щёлки.

– Зачем?

– Ясно зачем. Чтобы не жить вместе. Не видеть каждым утром эту мымру.

– Вот новости! – ретиво откликнулся Раевский. – Они и так живут в разных квартирах! Четыре остановки разделяют... – хотелось сказать "супружеское ложе", но это было бы бестактно.

Бузина отставил работу. Собрал на лбу складку.

– Ты так переживаешь, Саня, будто это тебе предстоит разводиться. Кстати, как у тебя с Ленкой? Нормуль?

– Даже лучше. Она меня бросила.

– Понимаю, – посочувствовал Бузина. – Разделяю твою скорбь.

– Какую скорбь? При чём здесь скорбь?

– Не держи горя в себе, друг! Не нужно прятать слёзы! Это вредно для нервов. Если существует такая необходимость – поплачь в моё плечо. – Интонация Бузины не позволяла понять, шутит он, или, действительно, безмерно сочувствует. – Теперь мне понятно, почему ты горюешь за Шаповалова.

– Отцепись! Ни о ком я не горюю! Не выдумывай глупостей! Просто я хотел взять отпуск. На недельку. При таком раскладе Шаповалов не даст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.